

Ж. Т. Тошенко¹

ТРАВМА КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Полемические заметки)

Развитие мировой цивилизации на современном этапе столкнулось с феноменом, еще слабо изученным

¹ Заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 650 публикаций, 19 монографий и 5 учебников, в т. ч.: «Парадоксальный человек», «Социология труда», «Тезаурус социологии», «Вехи социологии» (отв. ред.), «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)», «Политическая социология» (отв. ред.), «Социология управления», «Фантомы российского общества» и др.

и малоизвестным, который мы называем травмой. Дело в том, что в мире происходят значительные, значимые и знаковые события, которые невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях, описывающих и отражающих происходящие изменения. То, что произошло в 2000–2010-е годы в Тунисе, Египте, Ливии, Ираке, Сирии, Афганистане, выпадает из общепринятой и понятной логики общественного развития. Не менее впечатляющи и события, происшедшие во многих бывших союзных республиках Советского Союза, ныне — независимых государствах. Особен-

но это касается событий в Грузии, Молдавии, Киргизии, а сегодня на Украине. Не избежала такой участи и Россия, модель развития которой «можно представить в виде велосипеда, в котором руль — социалистический, а педали — капиталистические»¹. Однако, несмотря на существенные различия, все эти страны объединяет одно — они пережили или переживают большие потрясения.

Но как охарактеризовать эти социально-политические катастрофы? Есть ли у них нечто общее при всем разнообразии происходящих процессов? На наш взгляд, для их анализа недостаточно использовать наработанные и даже устоявшиеся понятия «эволюция» и «революция», при помощи которых описывались и интерпретировались происходящие изменения в зависимости от их характера. *На наш взгляд, при трактовке этих катастроф в названных странах с позиций двух основных путей развития — революции и эволюции — все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реально происходящих своеобразных процессов и событий. Поэтому, на наш взгляд, нужно использовать понятие «травма» как некий специфический, промежуточный вариант между двумя названными путями.* Ведь нередко в этих странах складывалась ситуация, когда изменения происходят, а отнести их к революционным преобразованиям затруднительно. Но и считать их эволюционными тоже весьма спорно, ибо они частично демонстрировали постепенное, поступательное движение при решении основополагающих вопросов общества.

Характеризуя новую трактовку особого состояния общества, стоит напомнить, что понятие «социальная и культурная травма» в научную литературу впервые ввел П. Штомпка, анализируя проблемы развития. Описывая всю совокупность изменений, происходящих в большинстве стран, он рассматривает *травмы* как социальные трансформации, в основе которых лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (агенсу) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов»².

Он подчеркивал, что при анализе травмы надо уделять внимание «коллективному агентству — активной движущей силе социального изменения, присущей человеческим коллективам», а также «признанию структурного и культурного давления агентства, имеющего доступ к ограниченному фонду структурных и культурных ресурсов»³.

На наш взгляд, эту трактовку происходящих изменений можно расширить до понятия «травма общества», если иметь в виду противоречивый, турбу-

лентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения сущности, понимания и использования понятия «травма». Соглашаясь с основными объяснениями П. Штомпки, нам хотелось бы уточнить применение этого понятия, предложить иное его объяснение или, вернее, объяснить иной подход.

Прежде всего рассмотрим некоторые сущностные характеристики травмы как социального феномена, данные современными исследователями при анализе социальных катастроф ныне существующего мира.

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». В современной медицинской и психиатрической литературе этот термин понимается не только как рана на теле, но и как рана в сознании, в результате эмоционального шока, который нарушает «осознание времени, себя и мира»⁴. Постепенно при изучении травмы стали обращать внимание на ее социальное содержание. Современные ревизии классического определения социальной травмы связаны с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе⁵.

Социальная трактовка травмы была использована при исследовании проблем коллективной идентичности, в том числе религиозной и этнической⁶. При изучении происходящих в западных обществах потрясений Н. Смелзер определял культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом»⁷. Д. Александер утверждает, что некоторые события в современном мире сами по себе травматичны, то есть являются непосредственными причинами деформирующего эффекта⁸.

Травматическое воздействие на судьбы народов, их национальное самосознание описал З. Бауман⁹. Р. Айерман писал, что некоторые события, такие как, например, политические убийства, могут создавать условия для появления социальной травмы¹⁰.

Что касается отечественных исследователей, то, не употребляя данный термин, о травмирующих аспектах писали О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, В. Л. Иноземцев, М. Ф. Делягин, Р. С. Гринберг (в экономике), Ю. А. Красин¹¹, В. К. Левашов, В. В. Федоров (в поли-

⁴ Caruth C. Trauma. Explorations in Memory. Baltimore, 1995.

⁵ Habermas J. Legitimation crises. Boston : Beacon Press, 1975.

⁶ Narrating trauma: on the impact of collective suffering. Boulder : Paradigm Publisher, 2011.

⁷ Smelser N. J. Psychological trauma and cultural trauma // Cultural trauma and collective identity / [Alexander J. C. et al.]. University of California Press, 2014. P. 38.

⁸ Cultural trauma and collective identity / [Alexander J. C. et al.]. University of California Press, 2014.

⁹ Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Ithaca : Cornell University Press, 1989.

¹⁰ Eyerman R. Social theory and trauma // Acta sociologica. 2013. Vol. 12, № 1.

¹¹ Красин Ю. А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полит. исследования. 2003. № 4. С. 124.

¹ Лившиц В. Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М. : Ленард, 2013. С. 202.

² Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исследования. 2001. № 1. С. 6–7.

³ Там же. С. 7.

тике), М. К. Горшков, Ю. А. Левада, В. А. Ядов (в социальной сфере), В. А. Межуев, О. Н. Смолин, А. С. Запесоцкий (в сфере культуры).

Исследователи состояния, тенденций и проблем развития стран в современном мире применяют несколько подходов к интерпретации травмирующих процессов и явлений.

Во-первых, используется понятие «цветные революции», которые называются по-разному — «арабская весна», «оранжевая» или «тюльпановая революция», «революция роз» и т. п. По сути, они означают кардинальные качественные изменения, смену господствующего строя методами мобилизации «групп давления», осуществляющих агрессивные действия вплоть до открытых форм насилия¹.

Во-вторых, источники травмированного развития видятся в действиях *экстремистских религиозных и националистических сил*, которые под флагом защиты этнических и конфессиональных ценностей стремятся навязать их, не считаясь с интересами и устремлениями других, не менее значимых, но менее активных общественных групп².

В-третьих, эти травмы объясняются *вмешательством внешних сил*, которые стремятся навязать путем скрытого или косвенного воздействия свои представления о путях развития этих стран, нередко механически перенося свои представления без учета их исторических и культурных особенностей, что приводит к дезорганизации государственной и общественной жизни³.

Если обобщить теоретическое осмысление и практическую интерпретацию неоднозначных и противоречивых турбулентных процессов в названных странах Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, то мы можем сказать, что эти процессы привели к возникновению и закреплению *новых травмирующих черт (характеристик) общества и его культуры*, отличающих их от предшествующих состояний на предыдущих этапах их развития и функционирования.

Во всех названных странах травма проявилась в том, что *ни в одной из них не была четко сформулирована стратегия действий по преобразованию государства и общества*. Люди не понимали, какое общество должны строить после происшедших потрясений (войн, переворотов).

В этих условиях стал возрождаться образ того, что было утрачено, но стало цениться по-другому исходя из новых реалий. Большинство людей в этих странах сначала поверили обещаниям построения такого общества, которое будет реализовывать идеи справедливости.

¹ См., например: *Кара-Мурза С. Г.* Экспорт революции. Ющенко. Саакашвили. М., 2005.

² См., например: *Барсамов В. А.* Этнонациональная политика в борьбе за власть: стратегия и тактика в период общенациональной смуты. М., 2001; *Тошенко Ж. Т.* Этнократия: история и современность. М., 2003; *Он же.* Теократия: фантом или реальность. М., 2009.

³ Подробнее см. об этом: *Брутенц К.* Обреченная политика // *Международная жизнь*. 2015. Март; *Брутер В. И.* Украина и политика абсурда // *Россия в глобальной политике*. 2014. Т. 12, № 1.

Однако реальная жизнь быстро охладила эти мечты — идеи западной демократии в национальном исполнении дискредитировали себя еще быстрее по сравнению с тем, как это случилось с идеями на предшествующем этапе развития⁴.

Практически в каждом из обществ травмы происходило *игнорирование исторического опыта или манипулирование историей развития своего народа*. Развились и окрепли различные формы манкуртизма, игнорирования исторических и национальных традиций. Появились «труды», исчисляющие историю, например, украинского народа со времен фараонов или появления древних укров из арийских племен Индии, русских — с появления их на исторической арене еще до нашей эры, или легенды об исключительной роли мусульманства⁵.

Во всех этих странах с учетом особенностей каждой из них произошла *дезорентация и дезорганизация общественной жизни*. Практически ни в одной из анализируемых стран не было выдвинуто отчетливой долгосрочной программы преобразования страны. Очевидно, что после турбулентных событий в каждой из них в 2000–2010-е годы при ожидании позитивных сдвигов происходили нежелательные изменения — расхищение национального богатства и сосредоточение его в руках сравнительно небольшой группы лиц, рост коррупции и безработицы, раскол общества на бедных и богатых, приоритет наживы, потеря возможности социальной защиты, несоблюдение принципов справедливости. Общественному сознанию в этих странах, в том числе и в России, была нанесена колоссальная травма, поскольку произошла потеря прежних ориентиров, а новые не могли сформироваться⁶.

В этой ситуации реальные процессы, происходящие в общественном сознании в этих странах, демонстрируют еще одну важную травмирующую особенность: оно становится *злострадательным*, остро, но не всегда адекватно реагирующим на происходящее в жизни. Долгое время люди жили ожиданием того, что коррупционные и другие негативные процессы будут обузданы, что новые перемены обязательно сделают жизнь лучше. Но шли годы, а вместо позитивных сдвигов люди получили не только консервацию прошлого, но и оскорбительную для них ситуацию, сопровождающуюся обогащением причастных к власти людей и массовым обнищанием народа. Тем самым создаются условия для того, чтобы пассивное ожидание перемен переросло в активный общественный протест, который далеко не всегда приводит к власти силы, ратующие за интересы народа.

Тревожность людей в обществах травмы имеет под собой основания, ибо они убеждены, что как ранее су-

⁴ *Волков А. И.* Идеи правят миром // *Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние*. Научные записки и очерки / рук. проекта и ред. О. Т. Богомолов. М., 2008. С. 56–57.

⁵ Национальные истории в постсоветском пространстве / под ред. К. Айермахера, Г. Бордюгова. М., 1999.

⁶ *Сомов В. А.* Феномен советскости: историко-культурный аспект // *Социол. исследования*. 2015. № 2.

ществовавшая, так и ныне существующая политическая власть не отражает позиции большинства населения, а ориентируется на интересы двух групп — государственной бюрократии и богатых слоев населения. Такая оценка не могла не сказаться на снижении доверия к политическому строю и основным политическим институтам. Анализ данных показывает, что травма начинается с негативной оценки деятельности политического руководства, многократно превосходящей процент позитивных оценок.

В политических концепциях есть такая аксиома: «Народ нельзя обмануть. Если же это случается, то ненадолго». Посулы «цветных» или иных революций сначала были встречены с одобрением и вдохновением (большинство населения признавало, что «так жить нельзя»). Но люди довольно быстро осознали порочность и гибельность предложенных преобразований, что привело к политической смерти многих «творцов» реформ.

Современному общественному сознанию в этих странах во все большей мере присуща и такая характеристика, как *критичность*. Люди не желают мириться с бедностью, просчетами, коррупцией, хищениями, преступностью, существование которых многие политики пытаются объяснить объективными причинами. Продолжает оставаться высоким уровень отвержения преобразований в экономической и социальной жизни. В условиях восхваления псевдорыночных преобразований, торжества коррупционных схем и теневых (криминальных) методов работы не уменьшаются и даже растут негативные оценки социально-экономической ситуации, ее последствий для общественной и личной жизни. Применительно к России это раскрыто в ряде социологических исследований¹.

Травма наносится и потому, что ожидания при начале обещанных реформ в реальности не оправдались. Анализ положения в травмированных странах показывает, что складывается весьма противоречивая, парадоксальная картина. С одной стороны, на первых этапах происходил рост доверия к некоторым обещаниям и даже преобразованиям. С другой стороны, одновременно ухудшались оценки изменений с точки зрения влияния этих же параметров на жизнь людей. Особенно поразительно то, что некоторые показатели (безработица и уровень благосостояния) практически не только не изменились, а даже ухудшились. Исследователями отмечается увеличение нищеты и бедности после так называемых революций и в Египте, и в Ираке, и в Ливии, не говоря уже об Афганистане и ряде новых независимых государств — Украине, Грузии, Молдавии.

Эти данные характеризуют еще одну особенность травмы общества, связанную с суждением людей о том, отвечают ли встряски (революции, перевороты) их интересам, ожиданиям, насколько они совпадают с официальными заявлениями. Травма общества

¹ Российское общество и вызовы времени / М. К. Горшков [и др.]. М., 2015.

проявляется и в том, что в общественном сознании растет сумятица, которая позволяет людям переходить от одной позиции к другой даже под впечатлением случайных обстоятельств. Причем, несмотря на разнообразие мировоззренческих убеждений, люди, оценивая перспективы развития своей страны, продолжают надеяться на стабильную жизнь. Это наглядно демонстрирует анализ мнений людей как по основополагающим проблемам, так и по проблемам повседневной жизни, которыми они руководствуются при принятии решений текущего и перспективного характера².

Из травмирующих составляющих в рассматриваемых странах следует отметить еще и тот факт, что продуктом систематического обмана, резко изменившихся условий жизни стали такие черты травмы общественного сознания, которые невозможно игнорировать при оценке его состояния и тенденций: *увеличение влияния изоляционизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости*.

Анализ травм общественного развития позволяет сделать еще один вывод: в этих турбулентных условиях резко увеличивают свой вес и воздействие на общество различные амбициозные и реваншистские силы, рвущиеся к власти, для которых два основных ориентира — рынок и демократия — являются лишь прикрытием эгоистических групповых целей. Для этого, по словам Шумпетера, используются различного рода утверждения, к примеру, что Россия, как и весь мир, «переживает очередной этап созидательного (?) разрушения»³.

Таким образом, среди новых явлений на современном этапе развития приобрели особую значимость и четкую определенность такие черты в жизни ряда обществ, как травмированность, выражающаяся в расколе, раздвоении, противоречивости и конфликтности развития.

В заключение следует отметить, что именно такое затруднение отразила дискуссия о том, что же произошло в России на рубеже 1980–1990-х годов. Многие политики, ученые, журналисты, используя некую совокупность данных, настаивают, что произошел слом социалистического строя и начался процесс возвращения в испытанное и проверенное опытом человечества капиталистическое устройство общества (см.: Гайдар, Мау, Кох⁴ и др.).

Другие представители этих же социальных групп, опираясь на опыт новой России, не менее убедительно доказывают, что имеет место пусть сложный и трудный, но эволюционный процесс развития страны (Бузгалин⁵, Иноземцев⁶). На наш взгляд, не происходит

² Левада Ю. А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006.

³ Цит. по: Делягин М. Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт экономического оздоровления // Российский экономический журнал. 2014. № 1. С. 22.

⁴ Авен П., Кох А. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М., 2013.

⁵ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социол. исследования. 2014. № 1, 3. С. 120–130.

⁶ Иноземцев В. Л. Потерянное десятилетие. М., 2013.

ни того, ни другого. Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки. На наш взгляд, развитие российского общества характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией части социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, но не отказом от принципов рыночного либерализма и попытками следовать по пути, по которому идет «европейская цивилизация», однако с учетом особой евразийской ориентации.

Все это позволяет сделать вывод, что травмированность в обществе возникает тогда, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом»¹. Именно эта ситуация породила такие многочисленные необычные социальные феномены, как парадоксальность, кентавризм, различные формы этнократии и теократии.

¹ Штомпка П. Указ. соч. С. 8.